

РУБЕН ВОРБЕРЯН

СБОРНИК

стихотворения

Рубен Ворберян (настоящая фамилия — Аликян, псевдоним происходит от слова «ворб», что означает: «сирота») родился 16 февраля 1874 года в городе Малатия Харбертского вилайета Западной Армении (на юго-западе Турции), в семье красильщика. В двухлетнем возрасте потерял отца, в тринадцать лет — мать. В 1886 году поступает в харбердский американский колледж «Евфрат», по окончании едет в Константинополь (1893), где преподает армянский, английский и турецкий языки в школах столицы, а затем в городах Бандырма, Измир. В 1901 году оставляет педагогическую работу, занимается торговлей. В 1904 году едет в Африку, обосновывается в Эфиопии и Сомали. В 1920 году переезжает в Париж, где 3 января 1931 года умирает после тяжелой болезни.

Начал писать еще со школьной скамьи. Первый сборник поэтических и прозаических произведений Ворберяна под названием «Цветы памяти» вышел в свет в 1893 году, в 1906 году в Каире была издана его незавершенная поэма «Всплески», а в 1920 году в Париже — сборник «Оазис». Ворберян занимался также и журналистикой, работал в Африке корреспондентом английской газеты «Дейли мейл», а затем американской газеты «Нью-Йорк геральд».

Является автором публицистических работ, путевых заметок, статьи о творчестве Байрона.

Основные издания на армянском языке: Оазис, Париж, 1920;

на русском языке сочинения Ворберяна не издавались.

ИЗ КНИГИ «ОАЗИС»

ДОРОГА МОЕЙ ДЕРЕВНИ

И лодка жизни не оставила следа,
И всё забвением повито, будто тьмой,
И облака мечты исчезли навсегда,
А то, что вспомню, вьется песней надо мной.
И всё хранит душа моя
Тебя, дорога детских лет.
Ты, аромат цветов струя,
Мой к роще уводила след,
Там шли ягненок мой и я.
Мечтою в памяти моей
Живут и роща, и цветник,
Там резвый трепетный ручей
Нырнул под мост, в траве возник,
Как дух пустыни и степей.
И от тебя, как от ствола,
Тропинки ветками вились.
Одна к деревне бедной шла,
Петляла, обрываясь вниз,
И там домишки обвила.
Еще одна шла по холму,
В ущелье путь другой лежал,
Где ивы тень сгущала тьму,
Там звук свирели возникал
И ветры вторили ему.
Когда зимой холодный снег
Нас у тонира заставлял,

Он останавливал твой бег
И все тропинки покрывал
С цветами в тихом зимнем сне...
Дороги каменной простор
К морским уводит берегам.
Но та дорога между гор,
Что к детским ластилась ногам,
Мне душу ранит до сих пор.
Там горизонт был скрыт от глаз,
В горах свою красу тая.
Но восхищенно каждый раз
Наивность детская моя.
Мечтой за тропками неслась.
То взгляд взбирался по холму,
То вдруг в ущелье убегал,
Где ивы тень сгущала тьму,
Где звук свирели возникал
И ветры вторили ему.
И лодка жизни не оставила следа,
И всё забвением повито, будто тьмой,
И облака мечты исчезли навсегда,
Но то, что вспомню, вьется песней надо мной.

1901—1903

МОЙ ДОМИК

Мы стали пеплом — я и ты.

Осиротели навсегда

И ветер, и в реке вода,
Что пели, девственно чисты.
Стоял в лесу мой старый дом.
Держались стены и столбы ' В лихих превратностях судьбы,
Как старики, к плечу плечом.
Вьюнок и куст душистых роз
По стенам поднимались ввысь.
И резво ласточки вились
У маленьких и круглых гнезд.
Была здесь комната одна,
Одна лампада и очаг,
И жизнь, что убыстряла шаг,
Была надеждою полна...
Улыбкой замирал закат,
И одиноко пурпур гас.
Отодвигалась даль от нас,
И в зелень упирался взгляд.
И, сладкозвучно в берегах
Журча спешащею волной,
Река скользила за стеной,
Теряясь трепетно в лугах.
Мне доверяя жизнь свою,
Влетала ласточка в окно.
Зимою крошки и пшено
С руки давал я воробью.
Крышу дома снегопад засыпал,
И от вьюги содрогался весь дом.
Что нам было до того, что кругом,

Если ярко наш очаг полыхал.
И от лампы падал свет
Чадящей желтой полосой.
«Всё не беда, ведь ты со мной,
Моей душою ты согрет...»
Мне хватало здесь любви и тепла,
Здесь я в мир пришел и мир полюбил.
Белый аист здесь перо обронил,
Мама мне его в подарок дала.
Был ветер резок и жесток,
А дом наш стар и очень мал,
И ветер в бок его толкал,
Срывал, как с дерева листок.
Под лампадою угас нежный взгляд
Той, кого я больше жизни любил.
И очаг, забытый всеми, остыл,
Только ветер да река всё шумят.
Я, закрыв глаза, мечтаю о том,
Чтобы мамою дареным пером,
Сохраненным мной в скитанье моем,
Возродить тебя, родительский дом,
Я хочу тебя воспеть, как могу,
Как мечту, что затерялась вдали,
На краю земли, в дорожной пыли,
На высоком на речном берегу.
Превратила тебя в пепел тоска,
Разметали пепел ветер и дождь,
Моего ты возвращенья не ждешь,

И о всех ушедших скорбь велика.
А сломается перо, пусть тогда
Там, над пеплом позабытым твоим,
За меня, но с прежним жаром моим
О тебе поют ветра и вода.
1901—1903

АДАМОВО ПРОКЛЯТИЕ

«Вон из рая!»—рычал оскорбленный
Гордый Бог, не поверив глазам,
Когда созданный им человек,
Руку Евы сжимая, рванулся,
Задыхаясь восторгом,
В открывшийся радостный мир.
А до этого дня он, Творец,
Был хозяином единовластным
Всей Вселенной, Материи, Силы.
Все покорными были ему
И безропотны, и безголосы.
Горы рушились в страхе и падали в море.
По начертанным Богом орбитам
В страхе двигались мерно планеты.
И вот надо же, только вчера
Этот, созданный Богом из праха,
Этот атом ничтожный,
Нечестиво смеясь, пренебрег
Дивно благоухающим раем.

«Я — Всевышний», — кричал оскорбленный
Гордый Бог, не поверив ушам,
Когда дерзкий, блаженством лучась,
Опьяненный любовью, взглянул в небеса
И воскликнул: «Нет, Бог — это я!
Всё мое — и Любовь, и Природа, и Грех,
И тернистые тропки, и ночь.
Я счастливый, со мною подруга — Любовь».
И тогда вдохновленные радостным бунтом
Вдруг рванулись кометы
Из мертвой пустой пустоты
И, ударясь о воздух, горели, предпочитая
Вспышку смерти неподвижности вечной.
И планеты замедлили ход. Даже звезды
От привычных орбит отступили.
И захлопнулись рая врата, для охраны которых
Ангел поднял свой огненный меч.
Но Адам вил гнездо перед теми вратами
И смеялся. Усталость, проклятия Бога —
Всё казалось заслуженным счастьем.
Вот уже сыновья появились —
Каин с Авелем шумно играли
С соловьями, слетавшими из Эдема,
Ошалевшими от святых песнопений...
Подавив дух материи строгим законом,
Разогнав непокорные элементы
По законным орбитам,
Бог врата растворил и увидел семейное счастье.

Позавидовал Бог человеку...

Извини же меня, Незнакомец великий,

Если вечность спустя я почувствовал зависть твою,

Одинокого Бога, к обычному счастью людскому...

Ангел смерти дыханием черным дохнул на семью:

Нежный Авель упал от удара жестокого брата

И глазами оленя взглянул в недоступный Эдем...

Вот под вечер вернулся Адам, напевая,

Но на голос не вышел навстречу никто...

Он подумал: не новые ль происки Змея?..

Только вряд ли вторично обманется Ева...

«Каин! Авель! — воскликнул тревожно Адам, —

Может, в прятки играют со мной сыновья?»

Ветер выл. В узкой щели забора из райского сада

Засветились глаза, увлажненные горькой слезой.

Это Бог из Эдема смотрел.

А под деревом Авель лежал неподвижный

В луже крови, и Ева, дрожа, наклонилась над сыном.

«Авель, сын мой!» — рванулся Адам,

Нежно голову сына рукой положил на колено,

Как в былые года. Голова соскользнула с колена.

«Авель, сын мой!» — и эти слова

Ветер, воя, срывал с его губ.

Зов отцовский затих без ответа.

И трусливо стучало в груди:

«Преклонись перед Богом, пусть будет на всё его

воля».

Но Адам, пересилив себя, распрямился,

К молчаливому раю он бросился с кулаками.
Льву подобный, что мстит за убитого львенка,
Зарычал: «Проклинаю тебя, Бесконечность,
Пусть я — атом, но я покоряться не буду.
Пусть заплачешь и ты, что заставил заплакать меня.
Пусть однажды умрет твой единственный сын
На глазах у тебя и ты руку ему не протянешь,
Пусть твой рай опустеет
И ты, обезумев, не сможешь
Даже плакать, как я:
„Авель, сын мой!..“»
Вздрогнул Бог. И задумался Бог.
И представил себе Гефсиманию и Голгофу,
Ясли бедные те, где младенец лежал, как ягненок.
Нежнолицый Иисус улыбался в младенческом сне.
«Не могу, — прошептал, запинаясь, Господь, —
Даже я не смогу расставания перенести!..»
И легко прикоснулся ко лбу малыша
Поцелуем Надежды, Соединения и Воскресения..
1906

РОЗОВЫЙ КУСТ

Я в цветнике, где мрамор бел, где бил родник,
Куст красных роз сажал один в печальный день.
Скитаний путь передо мною вдруг возник,
На жизнь мою уже тогда он бросил тень.
Но этот куст я посадил.

Я на него весь день смотрел и слезы лил,
И видел я, как на ветру он трепетал.
Его слезами, не водою, я полил,
И по дороге бед моих я зашагал.
Но куст прижился, не увял.
Я колыбельной не успел пропеть кусту,
Он не украсил в ту весну весны моей.
Я никому не подарил его красу,
Его цветами не порадовал людей.
Не подарил мечте моей.
С моим уходом опустел мой старый дом,
Заглох родник, и белый мрамор мхом оброс.
Но год за годом над разросшимся кустом
Пылают тысячи прекрасных алых роз.
И, как желаний, их не счесть.
Скажи мне, куст, ты почему цветешь, цветешь
И только ветру лепестки даришь свои
И почему тебя весной пронзает дрожь,
Когда кругом давно затихли соловьи.
Не слышно птичьих голосов?
Ты увенчаешь чье чело своим венком,
Моей отчизны разоренной алый цвет?
Не осенит надежды свет своим лучом,
В земную радость веры в сердце больше нет.
В душе моей померкнул свет...
И дрогнул куст. И через мрак чужих пустынь
Лучи луны его со мной связали вдруг.
И зов мечты возник в моих ночах пустых,

Прошедших дней, иной поры сладчайший звук,

Куст песню пел:

«Пока цветенью не настал еще конец,

Пока в золе еще огни от искр видны,

Надежды свет не исчезает из сердец

И, как цветы, цветут мечты родной! страны.

И жизнь идет.

Ты этой песне давних лет внимай, поэт,

Вдали от дома не найдешь своей мечты,

В глубоких безднах не зажжется яркий свет,

И не достигнешь на чужбине высоты.

И жизнь пройдет.

Вернись, поэт, и жизнь вдохни в свой старый дом,

И роднику верни его былой напев.

Там ждет река, и родники блестят кругом,

И ждет дорога, боль разлуки одолев,

Твоих следов.

Могилы розами душистыми укрась

И лиру скорби на ветвях моих повесь.

И пусть армян минует новая напасть,

Пусть высока твоей отчизны будет честь,

Пока цветут.

И я за слезы, что когда-то пролил ты,

Твоей душе дарю радость и покой,

В последний час твой уроню свои цветы,

И после смерти ты останешься со мной

В родной земле».

1913

